

КТО БЫЛ первым диссидентом после второй мировой войны? Не знаете? Не помините? Люди старшего поколения прекрасно понимают, о ком идет речь. Но ведь это произошло более четверти века назад. А всем известно, как быстро, увы, забываются подробности недавних событий, как торопливо набрасывает время свое покрывало на минувшее. Проходят годы — и вот уже не только детали, но и самый факт становится слабой тенью былого и едва брезжит в тумане истории.

Итак, кто же этот первый диссидент наших дней? Его имя и сейчас знаменито на весь свет. Это вам не угрюмый маньяк, обуреваемый заветами крепостничества, извлеченными из расхожего сундука, не эротоман, жаждущий вырваться на «оперативный простор», не алкоголик, готовый на все ради ежедневного свидания с бутылкой, не тронутый шизофренией бездельник, открывающий для себя, наконец, возможность если не быть, то хотя бы слыть писателем с помощью иностранных спецслужб.

Первым диссидентом после второй мировой войны стал всемирно известный Чарльз Спенсер Чаплин. Он бежал из Соединенных Штатов с истерзанной душой, закрыв лицо окунами, не оглядываясь... Бежал, чтобы никогда больше не жить в этой стране.

«Соединенные Штаты? Мне там уже больше нечего делать, и моей ноге там не будет, даже если президентом стал бы Иисус Христос».

Эту клятву Чаплин произнес в Европе, беседуя с американским публицистом Седриком Белфрейдом. Кстати, и об этом человеке можно кое-что рассказать на интересующую нас тему. Белфрейд был редактором-основателем нью-йоркского еженедельника «Нэшнл гардиан». Властям не нравилась точка зрения этого издания на некоторые события международной и внутренней жизни страны. Проще говоря, еженедельник и его шеф мысляли иначе, чем американская реакция. То есть были инакомыслящими. Административные органы США почему-то не воспользовались отличной возможностью явить свету теорию и уважить «права человека» по имени Белфрейд. В 1955 году его арестовали агенты ФБР. В тюрьме он отсидел несколько месяцев, но однажды утром был под конвоем доставлен на борт трансатлантического парохода и выслан за пределы страны. Потом он жил в Англии.

Чаплин многие десятилетия олицетворял в глазах миллионов людей самую высокую вершину американской культуры. Почему же его принудили покинуть Штаты?

Все началось в дни войны. Он как бы сделал первый шаг на пути к изгнанию, когда выступил в Сан-Франциско на митинге, устроенном общественным комитетом «Помощь России». Десять тысяч человек, и несколько советских в том числе, слышали его слова: «Товарищи, да, я называю вас товарищи, и я приветствую наших русских союзников как товарищей». А после того, как в Чикаго и Нью-Йорке Чаплин поднял голос, требуя открытия второго фронта, он стяжал себе репутацию «дважды» и «трижды коммуниста». Что же такого он сказал в этих городах? Цитировал Маркса? Ленина? Призывал к ниспровержению капитализма? Да нет же! Он сказал: «Сотни тысяч русских умирают за нас. Но я знаю также, что американцы сами любят сражаться и готовы умереть за свое дело».

Немедленно вокруг имени Чаплина закружились бесовский хороров. Большая пресса приступила к «исследованию» его личной жизни. В отелях,

где он останавливался, каждое его слово записывалось диктофонами. Окуляры дальнофокусной оптики сопровождали его всюду. При каждом его телефонном разговоре присутствовал третий — невидимый и молчаливый. Какие уж тут «права человека», если к делу подключается ФБР!

В дальнейшем сам Чаплин рассказывал (я воспользуюсь здесь беседой Чаплина с Белфрейдом, опубликованной в начале пятидесятых годов во французской газете «Либерсьон»):

«Послевоенная «охота на ведьм» сразу привела к тому, что я был вызван в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, где должен был дать отчет о моих политических убеждениях и нравственных принципах. Вызов был отменен, быть может, потому, что комиссия стало известно о моем намерении выставить в комическом виде моих обвинителей и появиться перед ними в образе «Чарли» — в котелке, с тросточкой и в длинных уродливых башмаках. Тем не

бины души этой «холодной войной». Чаплин назвал себя «поджигателем мира», и, обводя глазами уважаемых лиц, заявил: «Если бы вы даже могли посадить в тюрьму или казнить всех коммунистов, то другие люди поднялись бы, чтобы потребовать хлеба и справедливости». Раздался скрежет отодвигаемых стульев — «диккенсистам» речь пришлось не по вкусу.

Так начал прославленный художник свою вторую жизнь в Европе.

Но на этом сюжет «Чаплин-диссидент» не кончается. Самое поучительное впереди. Американская реакция мстительна, как сицилиец Средневековья. Она объявила Чаплину «вендетту». Орудием мести стала печать. Та, что каждой страницей, как кожей, чувствует кровные интересы буржуазии. На экранах появился фильм «Огни рампы» — шедевр мирового киноискусства. Но какое до этого дело разъяренным реакционерам? Они не могут простить

ли эти оценки, память не удержала, и я занял место в зрительном зале с невольным решением покусать, но, тем не менее, увидеть фильм. И поступил правильно. Иначе имел бы все основания считать себя жертвой злойной американской пропаганды. Я был восхищен удивительным произведением, где Чаплин, ничего не утратив — такой же умный и грустный, легкий и неожиданный, точный в безошибочном умении рассмешишь, — предстал зрелым и мудрым реалистом, вмешавшись в обсуждение насущных проблем века. И его слово, окрашенное всеми оттенками волшебного дарования человека, соединившего в одном лице сценариста, режиссера, актера и композитора, ошеломляло смелостью и правдой.

Впервые я видел фильм Чаплина, где вместе с иносказанием, притчей звучит и прямое обличение. Оно возникает внезапно, вы еще не ощущаете его приближения, никто не сколачивает трибуну и не ставит на нее графин с водой, чтобы оратор смог оросить пересохшее горло, вы еще захвачены каскадом смешных превращений, эпизодов, заряженных остроумием и насмешкой, как вдруг король, осмат-

ствах «свободного мира» нарушают естественные права каждого гражданина.

Король. Но ты не даешь мне...

Руперт. Люди стали орудием в руках политических деспотов.

Король. Да, но могу ли я... Руперт. А если вы мыслите иначе, чем мыслят они, то вас лишают нашего паспорта.

Король. Разрешить ли ты мне...

Руперт. Выехать из страны — все равно, что вырваться из тюрьмы».

Чаплин открыто и твердо сказал правду о правах человека в Соединенных Штатах. Он обозначил классовую суть этого понятия. «Сегодня все в руках монополий», — говорит Руперт.

Жизнь человека в XX веке проникнута классовым содержанием. Таков объективный закон социального развития. Отменить его никто и ничто не в силах. Да, права человека в собственническом мире существуют лишь для богатых и верноподданных. Эта двудельная формула неразделима. Чаплин не был бедняком, но и не захотел стать колокольчиком под дугой купеческой упряжки, не позволила совесть художника. А раз так... Нет, его не лишают

премьеры, уважаемая «Нью-Йорк таймс» решила задать тон. Посмотрите, как это делается. На одном из закрытых просмотров фильм увидели «отобранные лица» с Флит-стрит. Они и оказали дружескую услугу американской газете. Дали ей возможность через океан сослаться на английские источники. Еще за день до официального просмотра «Нью-Йорк таймс» напечатала корреспонденцию из Лондона под слвоенным пространством заголовком: «Критики прохладно отнеслись к фильму Чаплина». «Король в Нью-Йорке» не произвел впечатления на лондонских писателей. Имена этих писателей не приводятся. А в тексте сказано: «Американцы (тоже безымянные. — А. К.)

который присутствовал на просмотре и до этого видел почти все фильмы Чаплина, сформулировал свое впечатление кратко: «Не смешно!».

Так был предопределен характер комментариев к фильму во всех изданиях, враждующих на американской орбите. В подкрепление этому лаконичному «Не смешно!» (в «Нью-Йорк таймс» работают «железные профессионалы») следовали кивки на уже вышедшую в свет газету: «Таймс» нашла, что «Король в Нью-Йорке» разочаровывает. «Дейли телеграф» писала, что это «произведение ожесточившегося человека». «Дейли мейл» сочла, что это «неудавшаяся смесь тонкого фарса и грубой политической сатиры».

Палитра готова, краски смешаны, берите и мажьте. И стали мазать! «Нейшн» подтверждает: «Критические отклики почти единодушны в выражении разочарования — не идеологической позиции фильма (какое квалифицированное жеманство! — А. К.), а тем, что он не смешной... «Король в Нью-Йорке» может быть, никогда не будет показан в Нью-Йорке. Ежедневник «Ньюсуик» предупреждает: «Один человек, видевший фильм на закрытом показе, весьма решительно утверждает, что разочарованы будут все, кто рассчитывал хотя бы просто познакомиться с новым фильмом». Журнал «Сайт энд Саунд» как бы подводит итог: «Чаплина больше не существует».

Таким был тайный механизм применения средств массовой информации в кампании против классика мирового кинематографа Чарльза Чаплина и его прав человека в США. Она велась хладнокровно, безжалостно, с полным презрением не только к этим самым «правам человека», но и вообще к литературе и искусству как к служанкам буржуазного общества. За малейшую строптивость или попытку противоречить можно их немедленно расчитать, да еще и прибить.

В свое время я читал отклики американской прессы на чаплинский фильм, и должен признаться, что-то из ее инсинуаций застряло в голове. Понимал, конечно, чем продиктованы эти ужасные нападки. Рецензент Томас Паркинсон писал в «Нейшн» даже и такое: фильм попросту «не вызывает какой-либо интеллектуальной реакции, а только физиологическую, от отвращения начинающую трясину». Разумеется, знала я, на какие «адские штуки» способна буржуазная печать, но, не видев самой картины, подумала: а вдруг и в самом деле «не смешно!».

И только теперь, когда смеялся сам и все вокруг меня в зрительном зале покатывались со смеху, а в сценах диалогов и прощания короля с Рупертом замризал от неподдельного волнения, я поспешил себе вернуться к исследованию прямо-таки неистовый, а вместе с тем и весьма хитро обдуманной клеветы на Чаплина.

Дюма-сын однажды рассказывал про кутизанку, у которой спросили — почему она так любит лгать. Она расхохоталась и ответила: — От лжи зубы белеют!

У американских врагов, писавших о Чарли Чаплине, были еще более веские стимулы. Их ложь, бесспорно, сплела с толку множество людей в США, но мир ей не поддавался. После первого нажима заокеанских коллег английская печать пришла в себя и возразила друзьям противников Чаплина. «Дейли геральд» назвала «Короля в Нью-Йорке» «гениальным произведением», «Нью-кроникл» — «одним из самых великих фильмов Чаплина», «Нью миррор» — «великолепной, разящей насмерть сатирой».

Прогрессивная Европа взяла под защиту Чаплина. Точка зрения проамериканской печати опровергалась. Тогда на помощь клеветникам явились административно-коммерческие меры. Прокатные фирмы Западной Европы получили ультиматум: либо вы игнорируете фильм, либо для вас закрывается американский рынок. Перед такой угрозой мало кто устоял. «Короля в Нью-Йорке» демонстрировали только независимые, но хилые компании, располагающие ограниченной сетью кинотеатров.

Сколько лет прошло с тех пор, а картина Чаплина жива, краски ее не тускнеют. Она по-прежнему вызывает смех, слезы и гнев. Вот такую поучительную историю о судьбе художника в США, о его поруганных правах человека я и хотел напомнить читателю.

Александр КРИВИЦКИЙ

КОЕ-ЧТО О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Писатель и мир... Литератор и современность... Судьба художника и силы войны... Таковы проблемы, обсуждаемые в эти дни на международном форуме в Софии. С ними непосредственно связано публицистическое выступление Александра Кривицкого. Оно посвящено поразительному примеру лицемерия и лжи буржуазных идеологов, когда они говорят о правах человека и свободе творчества.

менее публичные атаки против меня становились все более частыми и агенты ФБР продолжали свои расследования, неизменно ставя передо мной один и тот же вопрос: «Вы ведь так и сказали — «товарищи»?»

Я заявил, что был, никогда не был коммунистом... Мои адвокаты коварно подкашивали мне возможность уладить дело простой антикоммунистической декларацией. Я отказался.

Покинув Америку с моей женой Уной и четырьмя детьми, я уже через два дня, в открытом море, понял, что больше никогда моя нога не ступит на почву Америки. Из сообщения корабельного радио мне стало известно, что, как только я туда вернусь, меня подвергнут заключению на Эллис-Айленде, где я должен буду дать отчет о своих политических взглядах и нравственности. Тогда же я утвердился в своем решении остаться на постоянное жительство в Европе».

Такова в самом сжатом виде история бегства Чаплина из США. Но и в Старом Свете разные люди встретили его по-разному. Группу членов палаты лордов и палаты общин английского парламента дава в его честь торжественный обед. За столом он оказался рядом с одним из право-лейбористских лидеров Гербертом Морриссоном. Чаплин выразил удивление — как это и зачем британское правительство позволило американцам соорудить военные базы на английской земле. Когда же он добавил, что политика «холодной войны» кажется ему вредной, Морриссон сухо ответил: «Я совершенно не согласен с вами», — и демонстративно отвернулся.

На другом обеде, посвященном «Диккенсовскому обществу» памяти великого романиста, Чаплин заявил: «Если бы Диккенс был сейчас жив, он был бы возмущен до глу-

Чаплину его выступлений времени войны. В их глазах он — красивый. Этого достаточно, чтобы послать его к дьяволу со всем его искусством. Вспомним, как изощрялась американская печать, чтобы скомпрометировать искусство великого мастера, как стремились навязать публике убеждение в злокозненности его творчества. Судьбу героя фильма, старого колуна Кальверто, потерявшего способность смеяться и потому бросающего цену, газеты отождествляли с жизнью самого Чаплина. Образ Кальверто выдавался за автопортрет создателя «Огней рампы». То была грубая по существу и, надо сказать, тонкая по форме попытка разлучить Чаплина со зрителем. Закривали дурными голосами, забивали в падулей газетных заголовки: «Прощай, маленький человек!», «Чаплин подвел черту: конец творчества», «Конечный человек». «Очень старый человек». «Самопризнание: все кончено», «У него все в прошлом». Американский легион требовал прервать дорогу фильму на экраны страны. Известный французский кинокритик Рене Клер писал тогда: «То, что Чарли Чаплина публично оклеветали в Америке, не удивительно. Удивительно, что общественность его не защитила. Это показательно, но не для Чаплина, а для США».

На пока шла лишь прелюдия к тщательной оркестрованной травле. Она разразилась после появления «Короля в Нью-Йорке» — восьмидесяти первого творения Чаплина. Так случилось, что я увидел этот фильм недавно, спустя двадцать лет после его премьеры в Лондоне 12 сентября 1937 года. Я шел на просмотр с каким-то смутным ощущением необходимости предосторожности. Отголоски чьих-то давних оценок не обещали мне ничего хорошего: «не смешно», «интересно», «скучно»... Кому принадлежа-

ривающий американскую школу, натывается на подростка, поглощенного чтением. Он спрашивает, как спросил бы в такой немудреной ситуации любой другой:

— Что ты читаешь?
— Карла Маркса.
— Но ты, конечно, не коммунист?

— Разве я обязательно должен быть коммунистом, чтобы читать Карла Маркса? (Директор одергивает ученика: «Руперт!» Руперт пожимает плечами.)

Чарльз Чаплин в фильме «Король в Нью-Йорке»

Советские зрители видели этот фильм. Мне не нужно пересказывать сюжет. Хочу только продолжить диалог между королем и Рупертом по тексту монтажной записи, сделанной на английской студии «Шеппертон». Теперь речь идет о правах человека.

«Король. В вашей стране законы не навязываются, они результат волеизъявления всех свободных граждан. (Руперт собирает газеты со стола и проходит за стеной позади.)

Руперт. А вы немного ездите по стране, тогда увидите, какую свободу они имеют.

Король. Но ты не дал мне закончить...

Руперт. На каждого человека надели смиренную рубашку, и никто без паспорта шагу не может ступить.

Король. Но если ты разрешишь мне догнать...

Руперт (приблизившись). В

прав человека, его просто перестают считать человеком в этом обществе. Оно признает все виды барского анархизма, осыпает законом биржевые махинации, ласкает распутство, снисходительно поглядывает на тысячу кривляющихся нравственных Уродств... Все позволено «свободной личности», если она остается верной основным догматам капитализма.

Обвинение это вложено чаплинским фильмом в уста подростка, за чей спиной стоят скорбные тени его родителей — их пытаются в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. С членами правительственной комиссии сталкиваются и Руперт. Он говорит им: «...мой отец приехал в Америку. Он хотел простора для своих мыслей. Страна свободы и отдачи была его светочем. Но теперь эта свобода находится под угрозой. Разные комиссии копаются в мозгах людей, контролируют их мысли. И те, у кого хватает мужества отстаивать свои права, подвергаются бойкоту, лишаются работы, и им остается лишь помираться с голодом».

Член комиссии Хэммонд: «Постойте... эти расследования, сэр, необходимы, когда наша безопасность находится под угрозой».

Руперт. Имея водородную бомбу, нельзя быть в безопасности.

Хэммонд. Да это коммунистическая пропаганда!

Руперт. Только всемирное сотрудничество и взаимопонимание могут обеспечить безопасность.

Хэммонд. Если бы вы были старше, сэр, я сообщил бы о вас властям.

Руперт. Очень хорошо, донесите на меня! Заставьте меня назвать имена! Превратите меня в ничтожного доносчика, Сбейте меня с толку. Только вы не сможете этого добиться».

С новым блеском и с новой глубиной развернулся проникновенный, мудрый и человечный талант Чаплина в фильме «Король в Нью-Йорке». Комическое здесь сверкает, переливается, словно драгоценности в блеске солнца. Трагическое вступает в мир веселой игры внезапно, будто летящая в искрах река последним усилием проложила себе новое русло на прямую, вздыбился в черной пене и с грохотом понеслась дальше, чтобы где-то за поворотом с новым напором возвратиться в прежнее лоно. Несомненно снитность этих двух начал в фильме-трагикомедии. Появление Руперта, его переход из комедийного плана в трагический похожи на то, как мы переступаем из света в тень на улице. Один шаг...

В конце нас потрясает сломанный, рыдающий мальчик. Возраст не остановил сенатора Хэммонда. Он донес в ФБР, и за школьника взялись опытные «разработчики»... Но это не конец. Чаплин оставляет надежду — Руперту и всем, кто, несмотря на опасность, рискует отстаивать права человека в Соединенных Штатах.

...В зале вспыхнул свет. Я шел к выходу, раздумывая: как же зародилось во мне предубеждение, едва не помешавшее посмотреть «Короля»... Да, видимо, задело в сознании что-то давно прочитанное. Через несколько дней я смог вернуться на двадцать лет назад, расковырять архивные папки со статьями и заметками из газет того времени.

Трудно вообразить, что писала реакционная пресса о «Короле в Нью-Йорке». Еще труднее нашим зрителям представить себе, что подобные упреки адресованы именно этому фильму.

Накануне торжественной